

ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЙ «ПОТРЕБИТЕЛЬ» И «СЛАБАЯ СТОРОНА» В ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросам сопоставления понятий «потребитель» и «слабая сторона» в обязательственных правоотношениях, а также определению идей и критериев использования соответствующего понятийного аппарата.

При написании настоящей статьи были использованы такие частнонаучные методы познания, как формально-юридический, сравнительно-правовой, технико-юридический, что позволило сформулировать следующие выводы относительно предмета исследования: потребитель — это лицо, приобретающее объект гражданского оборота для его использования в качестве конечного пользователя (end user); наличие у лица статуса «потребителя» не делает его непрофессионалом в соответствующей сфере и изначально не наделяет его специальными правами, а контрагента — корреспондирующими обязанностями в целях восстановления нарушенных императивных начал гражданского законодательства — принципа равенства; «слабая сторона» обязательственных отношений — это лицо, которое в силу специфики фактически складывающихся правоотношений не может в полной мере оценить и осмыслено принять возможные негативные последствия, возникающие в результате принятия и исполнения соответствующих обязанностей; наличие или отсутствие статуса предпринимателя (коммерсанта) не играет предопределяющего значения для квалификации лица в качества «слабой стороны» обязательственных правоотношений; в качестве признаков отношений, в которых одного из его участников допустимо квалифицировать в качестве «слабого» субъекта, можно выделить то, что контрагентом лица является предприниматель (коммерсант), для которого осуществляемая деятельность является профессиональной и одним из основных способов приумножения прибыли; усматривается явная невозможность влияния на существо договорных условий, т.е. наблюдается неравенство в переговорных возможностях, в том числе по причинам того, что лицо не обладает соответствующими знаниями и не может прогнозировать соответствующие риски; одним из ключевых факторов, влияющих на возможность использования свойственных «слабой стороне» обязательственных правоотношений арсенала прав и способов защиты, является проактивное поведение профессионального субъекта, которое заключается в информировании, а также получении заверений от лица об осознании всей рискованности заключаемой сделки.

Ключевые слова: потребитель, «слабая сторона», непрофессиональный субъект, отсутствие профессиональных знаний, физическое лицо, юридическое лицо, потребительские цели, непрофессиональная деятельность.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.139.6.026-044

© Белов В. А., 2018

* Белов Валерий Александрович, кандидат юридических наук, редактор Дайджеста новостей торгового и потребительского права Юридического института «М-Логос»
5707623@mail.ru
117534, Россия, г. Москва, ул. Академика Янгеля, д. 14, корп. 2, кв. 221

Известно, что доктринальное и официальное толкование правовых норм, регулирующих гражданские правоотношения, исходит из принципа диспозитивности. Между тем основы гражданского права содержат императивную направленность, которая заключается в необходимости соблюдения всеми участниками оборота принципов равенства, свободы договора, восстановления и защиты нарушенного интереса и т.д. При этом в ряде случаев законодатель допускает отступление от приведенного правила при условии возложения и исполнения дополнительных обязанностей на ту сторону, на которую принцип права имеет меньшее воздействие. В данной связи в рамках настоящей работы будет предпринята попытка проанализировать некоторые правоотношения, где ощущается процесс восстановления императивных начал гражданского права, т.е. действия его принципов.

Традиционно к отношениям, где усматривается некоторое отклонение от реализации приведенных принципов, относят так называемые потребительские правоотношения, где право возлагает на контрагента лица, приобретающего товары для личного использования, — потребителя, дополнительные обязанности. Между тем представляется, что наличие у лица статуса потребителя не во всех случаях свидетельствует о том, что принцип равенства не реализуется в полном объеме. При указанных обстоятельствах, попробуем разобраться с указанной проблематикой и в каком случае возложение дополнительных обязанностей на контрагента потребителя является оправданным шагом со стороны законодателя.

Термин «потребитель» имеет довольно широкое вовлечение в сферу правового регулирования как частных, так и публичных правоотношений, при этом в зависимости от их вида толкование указанного термина, т.е. идентификация перечня лиц, способных приобрести статус потребителя, может изменяться. В частности, из наиболее ранних норма-

тивных правовых актов, продолжающих свое действие по настоящее время, необходимо выделить Закон о защите прав потребителей¹, согласно которому под потребителем понимается гражданин, т.е. физическое лицо, имеющее намерение заказать или приобрести либо заказывающее, приобретающее или использующее товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Между тем даже на уровне официального толкования усматриваются случаи, когда правоприменитель выводит из-под определения термина «потребитель», содержащегося в Законе о защите прав потребителей, физических лиц, приобретающих товар. Так, например, ранее существовавшее Министерство РФ по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства указывало, что не является потребителем гражданин, приобретающий товары для организаций и за их счет с целью использования этих товаров в производстве, а также заказывающий для организаций за их счет работы, услуги в этих же целях (например, приобретение фотокамеры для работы в издательстве, редакции, химическая чистка штор, натирка полов и т.д.). Однако является потребителем гражданин, пользующийся услугой личного характера, хотя и заказанной для производственных нужд (например, услуга по перевозке, по проживанию в гостинице в командировочных целях)².

В последующих издаваемых источниках права тенденция к пониманию термина «потребитель» вообще изменилась, в связи с чем в специальном национальном законодательстве при определении лиц, способных выступать в качестве потребителей, наблюдается расширительное толкование указанного термина. Так, в ряде нормативных правовых актов указывается, что как юридические, так и физические лица могут выступать в качестве потребителей. В частности, такого рода подход усматривается в отношениях, связанных с газоснабжением³, естественными монополи-

¹ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 03.07.2016) «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

² Приказ МАП РФ от 20.05.1998 № 160 (ред. от 11.03.1999) «О некоторых вопросах, связанных с применением Закона РФ “О защите прав потребителей”» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 1999. № 2.

³ Федеральный закон от 31.03.1999 № 69-ФЗ (ред. от 26.07.2017) «О газоснабжении в Российской Федерации». Ст. 2 // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1667.

ями⁴, электроэнергетикой⁵, защитой конкуренции⁶ и т.д.

В данной связи выглядит примечательным то обстоятельство, что отечественное кодифицированное законодательство, регулирующее как частные, так и публичные правоотношения, в целом не содержит определения термина «потребитель». Как представляется, данное упущение не является случайным, поскольку приобретение статуса потребителя в принципе, как и иных статусов (например, собственника, владельца, заслуженного юриста, ветерана войны и т.д.), зависит от ряда обстоятельств и условий, которые нашли свое отражение в фактически сложившихся правоотношениях⁷.

Приведенное нормативно-правовое регулирование наглядно демонстрирует отсутствие единого подхода к толкованию термина «потребитель» на уровне законодательства. Сходная позиция усматривается и в юридической литературе, где преимущественно можно выделить несколько подходов к пониманию множественности лиц, способных выступать в качестве потребителей: 1) к числу потребителей допустимо относить только физических лиц; 2) к числу потребителей допустимо относить как физических, так и юридических лиц в случае, если основанием для их вступления в соответствующие правоотношения является публичный договор; 3) в зависимости от содержания конкретно сложившихся правоотношений к числу потребителей допустимо относить как физических, так и юридических лиц.

Первая из приведенных точек зрения, как представляется, преимущественно основана на двух постулатах: i) буквальном прочтении

Закона о защите прав потребителей; ii) определении предпринимательской деятельности, содержащемся в ст. 2 ГК РФ, согласно которому предпринимательская деятельность является рискованной, а следовательно, о неопытности или неосведомленности в соответствующей сфере коммерсант как участник обязательственных правоотношений заявлять не вправе, поскольку в противном случае указанный признак предпринимательской деятельности будет иррелевантным. Примечательно, что именно на последнем доводе долгое время базировалась и формировалась судебная практика, где суды зачастую отказывали в защите прав предпринимателей, оперируя одним тезисом: «предприниматель должен либо полностью разбираться в соответствующем вопросе и проявлять всевозможную осмотрительность, либо нести риск несения убытков». Аналогичный вывод следует из судебной практики: «юридическое лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, несет риск наступления неблагоприятных последствий, в частности, от заключения хозяйственных сделок с юридическими лицами, осуществляющими деятельность не в соответствии с требованиями действующего законодательства...»⁸. В другом деле суд указал, что юридическое лицо несет самостоятельные риски, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности, при этом оно должно прогнозировать последствия, в том числе и негативные, связанные с ее осуществлением⁹.

Также нельзя не обратить внимание на зарубежный опыт в части узкого толкования термина «потребитель». Так, в п. 3 Руководящих

⁴ Федеральный закон от 17.08.1995 № 147-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О естественных монополиях». Ст. 3 // СЗ РФ. 1995. № 34. Ст. 3426.

⁵ Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об электроэнергетике». Ст. 2 // СЗ РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.

⁶ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О защите конкуренции». Абз. 23 п. 1 ст. 4 // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434.

Так, М. А. Егорова отмечает, что факт введения понятия «потребитель» в Федеральный закон «О защите конкуренции» свидетельствует о включении в состав основных понятий конкурентного права и приобретает существенное значение в специальных институтах антимонопольного законодательства (см.: Егорова М. А. Развитие норм о доминирующем положении в четвертом антимонопольном пакете // Юрист. 2016. № 7. С. 10—14).

⁷ См.: Белов В. А. Статус лица: юридический аспект // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10. С. 72—78.

⁸ Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 04.03.2011 № ВАС-17649/10 по делу № А26-11228/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Постановление ФАС Московского округа от 11.02.2014 № Ф05-17175/2013 по делу № А40-34239/13 // СПС «КонсультантПлюс».

принципов ООН для защиты интересов потребителей указано, что понятие «потребитель» в широком смысле означает физическое лицо, независимо от его гражданства действующее в первую очередь для личных, семейных или домашних нужд, хотя за государствами-членами признается право устанавливать иные определения с учетом конкретных национальных потребностей, при этом в качестве обоснования приведенного подхода указано следующее: исходя из признания того факта, что потребители зачастую находятся в неравном положении с точки зрения материального достатка, уровня образования и переговорных возможностей. Руководящие принципы для защиты интересов потребителей призваны: содействовать странам в налаживании или продолжении обеспечения надлежащей защиты своего населения как потребителей¹⁰.

Однако важно обратить внимание, что в международной практике существует и иная позиция относительно приведенного подхода. Так, согласно ст. 9 Кодекса европейского договорного права¹¹ под термином потребитель понимается физическое лицо, действующее для целей, лежащих вне сферы его профессиональной деятельности. Однако, как справедливо отмечает В. А. Белов, указанное правило знает исключение, в частности применительно к ситуациям, когда лицо, будучи предпринимателем, в конкретных отношениях действует в качестве потребителя, в связи с чем ему также предоставляется право пользоваться нормами, дающими дополнительную защиту как потребителю¹². Аналогичная позиция усматривается в ст. 12 Закона о несправедливых условиях 1977 г. (Unfair Contract Terms Act)¹³.

Кроме того, нельзя не отметить, что двойственный подход к интерпретации термина

«потребитель» также усматривается и в судебной практике Верховного Суда РФ. В частности, Верховный Суд РФ указывает, что под термин «потребитель» могут подпадать индивидуальные предприниматели, закупающие товар в целях исключительного использования для личных, семейных, домашних, бытовых и иных нужд, не связанных с осуществлением ими предпринимательской деятельности¹⁴. Однако указанный подход преимущественно сфокусирован на рассмотрении одного из состояний двойственности статуса физического лица, зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя, который одновременно является и физическим лицом, и коммерсантом. При этом Верховный Суд РФ указал лишь на то обстоятельство, что приобретение статуса индивидуального предпринимателя не лишает физическое лицо возможности вступать в правоотношения в качестве потребителя, сохраняя за собой все права, предусмотренные для указанной категории лиц. Представляется, что подход к рассмотрению индивидуального предпринимателя в двух ипостасях является весьма обоснованным, в том числе с точки зрения п. 3 ст. 23 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ)¹⁵, согласно которому закон, регулирующий правовой статус юридического лица, распространяется на отношения, возникающие с участием индивидуального предпринимателя, если иное не следует из существа правоотношения. Именно в сущности, т.е. правовой природе фактически складывающихся правоотношений, раскрываются квалифицирующие признаки, в результате анализа которых можно сделать вывод, выступает ли лицо в качестве слабого субъекта — потребителя или коммерсанта. В некоторой степени сходной позиции придерживается А. А. Райлян, который указы-

¹⁰ Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для защиты интересов потребителей, утв. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 22.12.2015 № 70/186 // URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/txnreg/depstanmer/consumer_rights/Documents/%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%9E%D0%9E%D0%9D_%D0%97%D0%9F%D0%9F.pdf (дата обращения: 11.11.2017).

¹¹ URL: <http://www.eurcontrats.eu/site2/docs/EuropeanContr.pdf> (дата обращения: 11.11.2017).

¹² Белов В. А. Кодекс европейского договорного права — European Contract Code : общий и сравнительно-правовой комментарий : в 2 кн. М. : Юрайт, 2015. Кн. 1. С. 26—32.

¹³ Council Directive №. 93/13/EEC «On unfair terms in consumer contracts». Luxembourg, 5.IV.1993 // Official Journal of Europeann Committee. 1993. L 95. Vol. 36. P. 29—34.

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей». П. 17 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.

¹⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

ваает, что не вызывает сомнений, что в тех случаях, когда стороной спора является физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, повышенное значение для решения вопроса о квалификации такого лица как потребителя имеет исследование другого потребительского признака — цели заказа, приобретения или использования товара. Именно его анализ позволяет разграничить сферы деятельности лица в качестве предпринимателя и в качестве гражданина и определить, к какой из них относится сделка, в связи с совершением которой возник спор¹⁶.

Кроме того, в судебной практике наблюдается также возможность неоднозначного восприятия статуса физического лица, не зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющего закупку товара явно с профессионально ориентированной целью, т.е. не для личных нужд. Так, Верховный Суд РФ отметил, что физическое лицо, приобретающее или заказывающее работы (услуги) в коммерческих целях, в частности по изготовлению полиграфической продукции для цели ее коммерческого распространения, не регулируются законодательством о защите прав потребителей¹⁷, следовательно, не подпадает под традиционное понимание термина «потребителя», установленного Законом о защите прав потребителей. Аналогичный вывод следует из судебного дела, где был установлен факт покупки физическим лицом тяжелого промышленного оборудования, предназначенного для вторичной обработки древесных материалов, а также материалов на основе переработанной древесины — станочный агрегат. В связи с этим Суд сделал вывод о невозможности распространения на указанные правоотношения Закона о защите прав потребителей, поскольку оборудование не является мобильным, устанавливается в производственном цехе и предназначено исключительно для выполнения промышленных объемов производства и не может использоваться в бытовых условиях¹⁸.

Аналогичный вывод Верховный Суд РФ сделал в отношении брокерских договоров, заключенных физическими лицами, не зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей, где объектом выступали ценные бумаги. Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что «обязательным условием признания гражданина потребителем является приобретение таким гражданином товаров (работ, услуг) исключительно для личных (бытовых) нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. То, что истцы являются физическими лицами и не имеют статуса индивидуальных предпринимателей, само по себе не означает безусловно, что заключенные сделки направлены на удовлетворение личных бытовых нужд. Исходя из обстоятельств, на которых основаны требования истцов, им с Банком заключены договоры брокерского обслуживания в целях приобретения в их интересах и за их счет кредитных нот. При этом истцы были уведомлены о рисках, связанных с операциями на рынке ценных бумаг. При таких обстоятельствах ввиду рискованного характера деятельности по совершению гражданско-правовых сделок с ценными бумагами и (или) по заключению договоров, являющихся производными финансовыми инструментами, такая деятельность не может быть признана деятельностью, направленной на удовлетворение личных (бытовых) нужд, а потому выводы судебных инстанций о применении к спорным отношениям Закона о защите прав потребителей являются ошибочными...»¹⁹.

Учитывая приведенную дихотомию в подходах к распространению законодательства о защите прав потребителей на отношения, возникающие с участием физического лица, не зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя, интересным представляется позиция судов, которые возлагают на ответчика (предпринимателя, т.е. контрагента по сделке, заключенной физическим лицом) бремя доказывания обстоятельства, свидетельс-

¹⁶ Райлян А. А. Гражданско-правовая защита прав потребителя: вопросы теории и судебной практики // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 10. С. 22.

¹⁷ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017), утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 16.02.2017 (ред. от 26.04.2017). П. 4 // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2017. № 3.

¹⁸ Апелляционное определение Брянского областного суда от 09.12.2014 по делу № 33-4091/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Определение Верховного Суда РФ от 01.08.2017 № 24-КГ17-17 // СПС «КонсультантПлюс».

твующего о том, что товар закупался не для личных, бытовых нужд, а для осуществления предпринимательской деятельности. В частности, указанный вывод о перераспределении бремени доказывания в указанной части усматривается из следующего дела: «В отсутствие допустимых, достоверных и достаточных доказательств того, что товар, являющийся объектом договора, приобретался истцом не в личных, семейных, домашних целях, а для иных нужд, у суда первой инстанции не имелось оснований для отказа в применении к спорным правоотношениям положений Закона РФ «О защите прав потребителей», регулирующих ответственность продавца за нарушение прав потребителя в части компенсации морального вреда и взыскании штрафа»²⁰. Аналогичный вывод следует из следующего дела: «Договор поставки не содержит сведений о том, что продукция приобретается истцом (потребителем) не в личных целях, и в связи с предпринимательской деятельностью»²¹.

Несмотря на не бесспорность приведенных подходов, представляется возможным сформулировать ряд тезисов, следующих из приведенных позиций:

- наличие статуса индивидуального предпринимателя не свидетельствует о том, что лицо не может выступать в гражданских правоотношениях в качестве потребителя;
- отсутствие статуса индивидуального предпринимателя не свидетельствует о том, что лицо является потребителем;
- характер и назначение объекта гражданского оборота, приобретаемого по договору, может свидетельствовать об участии лица в качестве профессионального субъекта.

Как наглядно демонстрируют приведенные тезисы, единства в понимании субъектного состава, т.е. перечня лиц, способных выступать в качестве потребителя, в первой из приведенных точек зрения не наблюдается.

Применительно ко второму подходу некоторые из ученых указывают, что положения, содержащиеся в ст. 426 ГК РФ, содержат более широкое определение термина «потребитель» по сравнению с положениями Закона о защите прав потребителей, в связи с чем одноименный статус может приобретаться как физическими, так и юридическими лицами²². Сходная позиция просматривается в одном из авторитетных комментариев к ГК РФ, согласно которому одним из признаков публичного договора является его субъектный состав, где сторонами являются потребитель и лицо, осуществляющее предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность²³. Данный вывод ученых также подкрепляется тем, что действующему законодательству известен целый ряд публичных договоров: договор розничной купли-продажи, проката, договоры бытового подряда и др., где на стороне покупателя, арендатора или заказчика, т.е. в силу прямого указания ст. 426 ГК РФ — потребителя, может выступать юридическое лицо. Так, например, к аналогичному выводу приходит М. И. Брагинский, который считает возможным участие в публичном договоре в качестве потребителя как физических, так и юридических лиц, основываясь на анализе норм ГК РФ, регулирующих различные виды публичных договоров²⁴. Аналогичной точки зрения придерживается и А. Хвоцинский, который, исследуя институт публичного договора в российском праве, приходит к выводу, что при определении критериев применения специальных правил, отступающих от принципа свободы договора и предоставляющих особые гарантии прав слабой стороне, основное внимание должно быть уделено не правовой природе такой стороны, как субъект права (физическое лицо, юридическое лицо, организационно-правовая форма и т.п.), а оценке условий и целей его участия в торговом обороте в целом и в данной кон-

²⁰ Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 12.05.2015 по делу № 33-4477/2015 // СПС «КонсультантПлюс». Также см.: апелляционное определение Красноярского краевого суда от 24.09.2014 по делу № 33-9311/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Апелляционное определение Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 21.05.2015 по делу № 33-1342/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

²² Зуйкова Н. В. Публичный договор // СПС «КонсультантПлюс».

²³ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации : Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательственного права» / А. В. Барков, А. В. Габов, М. Н. Илюшина [и др.] ; под ред. Л. В. Санниковой. М. : Статут, 2016. С. 457—518.

²⁴ См.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право : в 4 кн. 3-е изд., стер. М. : Статут, 2011. Кн. 1 : Общие положения. С. 254.

кретной сделке, в частности оценке того, является ли он случайным или профессиональным участником торговых отношений, в которые он вступает²⁵.

На прямую возможность выступления в качестве потребителя юридического лица в договоре розничной купли-продажи указывает И. Н. Садиков, описывая ситуацию, когда покупателем будет юридическое лицо (например, в случае организации им какого-либо корпоративного мероприятия), а непосредственными потребителями блюд и напитков — работники данного юридического лица (физические лица)²⁶. Применительно к договору проката и возможности выступления на стороне арендатора — юридического лица указывается в юридической литературе²⁷, где содержится указание, что наряду с бытовым (потребительским) прокатом законодатель допускает и небытовой (коммерческий) прокат. Довод о том, что по договору проката может выступать только физическое лицо, опровергается также судебной практикой. Так, в одном из дел суд кассационной инстанции указал: «Как правильно установили суды обеих инстанций, между сторонами фактически сложились внедоговорные отношения проката имущества, регулируемые параграфом 2 главы 34 ГК РФ»²⁸. Более того, исходя из фактически складывающихся правоотношений представители юридических лиц для обеспечения каждодневных потребностей организации и их сотрудников часто совершают покупки за наличные денежные средства, выданные им под учет. При этом указанные лица совершают сделки от имени, по поручению и в интересах юридического лица. Сказанное также соответствует указаниям ЦБ РФ, которые подтверждают возможность осуществления наличных взаиморасчетов между юридическими лицами²⁹.

Следовательно, исходя из приведенных доводов, необходимо сделать вывод, что расширительное толкование термина «потребитель», т.е. отнесение к указанной категории как физических, так и юридических лиц, считается допустимым в случае если фактически сложившиеся отношения основаны на публичном договоре.

Следующий подход к толкованию термина «потребитель» также является расширительным и допускает возможность приобретения указанного статуса как физическими, так и юридическими лицами, однако в основе указанной классификации лежат содержание фактически сложившихся отношений, а также навыки и знания, которыми обладает лицо, в пользу которого совершается имущественное предоставление. Так, Л. Б. Ситдикова, Э. Г. Корнилов, В. В. Данилов обуславливают такой подход тем, что во многих сферах и юридические лица выступают в качестве непрофессионалов, нуждающихся в дополнительной защите, или тем, что отдельные товары (работы, услуги) юридические лица приобретают не для коммерческой деятельности, а для удовлетворения потребностей своих работников³⁰.

В данной связи весьма справедливым вопросом задается Э. Г. Корнилов: почему коллектив ЖЭКа, приобретший для нужд своих сотрудников холодильник, оказавшийся неисправным, не может воспользоваться широкими возможностями по защите своих ущемленных прав, предоставленных Законом о защите прав потребителей? В связи с этим указанный автор высказывает свое негодование относительно используемой по тексту Закона о защите прав потребителей терминологии и ее значения, в частности автор указывает, что потребителем, по смыслу названного Закона, является только такой гражданин, который

²⁵ Хвощинский А. Публичный договор: защита частного интереса? // Бизнес-адвокат. 2000. № 9.

²⁶ См.: Садиков И. Н. Хозяйственно-правовые отношения предприятий общественного питания. М., 1970. С. 120.

²⁷ См.: Белов В. А. Договор проката: видовая договорная категория или элемент юридической техники? // Вестник арбитражной практики. 2017. № 3. С. 26—38.

²⁸ Постановление ФАС Московского округа от 10.03.2009 по делу № А40-33982/08-9-398 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹ Указание Банка России от 07.10.2013 № 3073-У «Об осуществлении наличных расчетов» // Вестник Банка России. 2014. № 45.

³⁰ См.: Ситдикова Л. Б. Гражданско-правовой статус потребителя в сфере оказания информационных услуг // Юридический мир. 2010. № 9. С. 56—58. Также см.: Корнилов Э. Юридическое лицо как потребитель // Закон. 1999. № 3. С. 120; Данилов В. В. Защита прав потребителя в системе конституционных прав человека в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 10.

«выводит» товар (работы, услуги) из коммерческого оборота в сферу личного потребления, т.е. речь идет только о конечном потребителе. Но разве не так обстоит дело с вышеуказанным холодильником, иск о котором невозможно рассмотреть в рамках Закона о защите прав потребителей только лишь потому, что он числится на балансе организации, хотя страдают от неисправного агрегата конкретные граждане — ее работники³¹? Указанные рассуждения привели ученого к выдвиганию предложения о расширении понятия «потребитель», содержащегося по тексту Закона о защите прав потребителей, путем включения в перечень лиц, способных приобретать указанный статус юридических лиц³². Сходной позиции придерживается И. В. Кирюшина, которая полагает, что экономически оправданным является включение в число потребителей также юридических лиц, которые приобретают товары для бытовых нужд своих работников (потребительские кооперативы, товарищества собственников жилья и т.д.)³³.

На необходимость расширительного толкования термина «потребитель» также указывает Л. Т. Гарвин, который пишет о невозможности субъектами малого бизнеса пользоваться специальными способами защиты, свойственными физическим лицам³⁴. Представляется, что подход приведенного автора является в некоторой степени обоснованным, поскольку знания, практический опыт и осознание масштаба принимаемых рисков у физических лиц, индивидуальных предпринимателей, субъектов малого, среднего и крупного бизнеса являются отличными друг от друга, следовательно, допустимо сделать вывод, что единый подход к регламентации статуса потребителя является не вполне верным.

Применительно к отдельным видам деятельности, например в сфере телекоммуникационных услуг, Л. Б. Ситдикова обращает

внимание, что юридическое лицо (некоммерческая организация), заказывающее информационные услуги для нужд, не связанных с предпринимательской деятельностью, также выступает в качестве потребителя, который, хотя и является профессионалом в своей сфере деятельности, но не обладает всей полнотой знаний в сфере информационных услуг³⁵.

Однако несмотря на аргументированность и весьма справедливое указание на необходимость расширительного толкования термина «потребитель» и распространение его понятийного аппарата, а также следующих из него прав и обязанностей на деятельность организаций при определении «слабой» стороны по сделке, в юридической литературе в ряде случаев усматривается некоторый скепсис относительно такого подхода. Так, Е. А. Усачева указывает, что распространение законодательства о защите потребителей на отношения между юридическими лицами является преждевременным по ряду причин. В частности, не выработаны адекватные критерии отделения потребительских сделок от иных сделок, совершаемых юридическим лицом (нетипичный характер представляется критерием достаточно расплывчатым); спорным является вопрос о том, могут ли в принципе у юридического лица существовать личные, семейные или домашние нужды. Кроме того, сама целесообразность распространения потребительских предпочтений на юридических лиц вызывает сомнения как таковая, поскольку их отсутствие не лишает организацию возможности обратиться за защитой своих прав в качестве участника гражданско-правовых отношений. При этом любое юридическое лицо, в отличие от гражданина, является профессиональным участником оборота, а вопрос о сопоставимости его «слабости» в непрофильных сферах со «слабостью» гражданина-потребителя остается открытым³⁶. Сходной позиции придержива-

³¹ Корнилов Э. Г. Закон о защите прав потребителей // Законность. 1999. № 12. С. 36—39.

³² Корнилов Э. Г. Защита прав потребителей при рассмотрении гражданских дел в судах общей юрисдикции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 1999. С. 8.

³³ Кирюшина И. В. Правовой статус потребителя и его реализация в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 34.

³⁴ Garvin L. T. Small Business and the False Dichotomies of Contract Law // The Ohio State University Moritz College of Law. Public Law and Legal Theory. Working Paper. Series No. 1.

³⁵ Ситдикова Л. Б. Теоретические и практические проблемы правового регулирования информационных и консультационных услуг в гражданском праве России. М., 2008. С. 65—66.

³⁶ Усачева Е. А. Правовые проблемы квалификации лица в качестве потребителя // Мировой судья. 2016. № 2. С. 27—31.

ется Ю. Н. Мулина, которая указывает, что расширительный подход к пониманию термина «потребитель», в том числе изложенный в Законе о несправедливых условиях 1977 г., является достаточно необычным и основан на уровне профессионализма предпринимателя вне сферы предпринимательской деятельности. При этом потребитель отличается от любого предпринимателя не только уровнем профессиональной осведомленности в конкретной сфере, но и характером деятельности: какой бы ни была сделка, совершенная предпринимателем, она совершается им для достижения в общем смысле экономической выгоды, следовательно, должна совершаться на его риск. Поэтому распространение режима защиты потребителя на предпринимателя в том же объеме является нежелательным³⁷.

Представляется, что опасения последних приведенных авторов относительно возможности распространения Закона о защите прав потребителей на отношения, возникающие между юридическими лицами, являются весьма обоснованными, однако несколько по иным основаниям, которые заключаются в существенном значении термина «потребитель» и идеи, которую вкладывал законодатель при его имплементации в практическую деятельность субъектов гражданских и иных публичных правоотношений. Полагаем, что при использовании термина «потребитель» законодатель попытался одновременно реализовать две идеи: — указать на то обстоятельство, что объект договора будет использоваться для удовлетворения личных потребностей конкретного лица; — указать на непрофессионализм потребителя в соответствующей сфере.

Однако указанный замысел, исходя из приведенных разносторонних подходов к интерпретации термина «потребитель», не был, как представляется, успешно реализован, поскольку в ряде случаев использование объекта для удовлетворения личных потребностей конкретного субъекта вовсе не свидетельствует о том, что потребитель не является профессионалом, и принцип равенства гражданского права, т.е.

баланс интереса между субъектами обязательственных правоотношений, нарушен. В частности, указанное несоответствие усматривается в случае, когда организация — завод, осуществляющий производство, заключает договор на электроснабжение; в данной связи не представляется возможным выдвинуть суждение о том, что лица, осуществляющие производство, не обладают профессиональными знаниями, расчетами и калькуляцией о необходимых производственных и потребляемых мощностях оборудования, размещенных на предприятии. Аналогичная ситуация может усматриваться, когда оборонное предприятие заключает договор на поставку какого-либо специального оборудования для создания оборонного комплекса страны. Представляется, что указанные случаи наглядно указывают на неудачную попытку совмещения приведенных идей в одном термине, поскольку в описанных примерах лица одновременно приобретают товар для личных целей, т.е. не для последующей перепродажи, но с наличием четких знаний и представлений — профессионализма в области, где будет использоваться соответствующий приобретенный объект.

Следовательно, допустимо сделать вывод, что при участии в конкретных правоотношениях двух профессиональных субъектов возложение на одного из них каких-либо дополнительных обязанностей не является справедливым, поскольку императивные начала гражданского права, в частности принцип равенства, реализуются в полном объеме.

В данном аспекте представляется, что основная идея, которая должна поддерживаться законодателем и правоприменительной практикой при наделении конкретного субъекта гражданских правоотношений статусом потребителя, заключается в том, что потребителем является лицо, которое фактически потребляет приобретенное благо для личных, в том числе промышленных, целей, т.е. является конечным пользователем (*end-user of goods*³⁸) соответствующего объекта гражданского оборота, будь то вещь, энергия или иной объект гражд-

³⁷ Опыты цивилистического исследования : сборник статей / Д. В. Гудков, И. И. Зикун, А. А. Зябликов [и др.] ; рук. авт. кол. и отв. ред. А. М. Ширвиндт, Н. Б. Щербаков. М. : Статут, 2016. С. 196—225.

³⁸ Допустимость рассмотрения юридических лиц в качестве конечного пользователя соответствующего товара в том числе подтверждается требованиями, предъявляемыми к процессу сертификации продукции. См.: Приложения № 2, 3 ТР ТС 025/2012. Технический регламент Таможенного союза. О безопасности мебельной продукции, утв. решением Совета Евразийской экономической комиссии от 15.06.2012 № 32 // СПС «КонсультантПлюс».

данского оборота. Следовательно, определение статуса «потребитель» должно выполнять иные, не связанные с оценкой профессионализма соответствующего субъекта общественных отношений, цели.

При указанных обстоятельствах представляется, что наиболее корректным для указания на отсутствие равенства в конкретных правоотношениях и реализации второй из приведенных идей по имплементации термина «потребитель» в законодательную и практическую среду, т.е. для защиты непрофессионального субъекта, является понятие «слабая сторона» обязательственных правоотношений (договора). Для большей наглядности и в целях выявления случаев нарушения императивных начал гражданского законодательства — принципа равенства — полагаем актуальным рассмотреть целый ряд ситуаций в двух вариациях: в первом случае на стороне покупателя (заказчика) выступает физическое лицо, не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, во втором — юридическое лицо.

Ситуация 1: лицо, купившее автотранспортное средство и не использующее его в профессиональных целях, обращается в сервисный центр, который указывает на необходимость проведения дорогостоящего ремонта. При этом спустя некоторое время лицо обнаруживает, что проведения дорогостоящего ремонта не требовалось.

Ситуация 2: лицо приобретает в аренду объект недвижимости, находящийся в другом городе, при этом со стороны контрагента сделаны соответствующие указания, что: i) по отношению к физическому лицу — в данном доме жил выдающийся ученый; ii) по отношению к юридическому лицу — присутствует оживленное движение (интенсивный трафик людей), что обеспечит поток клиентов. При этом спустя некоторое время лицо обнаруживает, что указания контрагента были ложными.

Ситуация 3: лицо обращается в туристическое агентство в целях планирования и полного обеспечения досуга (отпуск, teambuilding и т.д.), при этом основным условием является отсутствие требований по получению виз. На паспортном контроле у лиц, купивших туристический продукт, обнаруживается отсутствие обязательной визы, в связи с чем всех путешественников не пускают в самолет.

Ситуация 4: лицо обращается к оператору связи в целях заказа телекоммуникационных

услуг в отдаленных от цивилизации частях света. При этом при предоставлении услуг обнаруживается, что зона покрытия куда меньше, нежели рассчитывал заказчик.

Ситуация 5: лицо обращается к кредитной организации в целях приобретения специализированных активов, при этом банк указывает на потенциальную прибыльность указанных транзакций. Спустя некоторое время лицо, вступившее в указанную обязательственную связь, обнаруживает убыточность данной сделки по основаниям, связанным с непредставлением кредитной организацией всей информации о возможных рисках.

Очевидно, что из приведенных ситуаций допустимо выделить два объединяющих признака. Первый из них заключается в том, что контрагентом лица (покупателя, заказчика) является профессиональный субъект гражданских правоотношений: сервисный центр, риэлтор, брокер, турагентство, оператор связи, кредитная организация, сфера соответствующей деятельности является для них «зоной комфорта» (в силу осведомленности о специальных свойствах и деталях предлагаемых к реализации объектов гражданского оборота), поскольку именно с пребыванием в ней лицо связывает свой основной вид деятельности, направленный на получение прибыли. Вторым характерным признаком является то, что контрагентом профессионального «игрока» является лицо с прямо противоположным опытом (*background*), т.е. не обладающее специальными знаниями и (или) возможностями для пребывания в той же «зоне комфорта», что и профессиональный субъект при исполнении соответствующего обязательства.

Как представляется, аренда офиса, ремонт транспортного средства, используемого для сопровождения передвижений генерального директора, мероприятия, организуемые для сплочения трудового коллектива, покупка мебели и продукции для обстановки офиса, приобретение ценных бумаг лицом, не являющимся субъектом рынка ценных бумаг, а также другие действия, направленные для создания комфортных условий для осуществления бизнеса, не должны изначально рассматриваться как профессиональная деятельность такого субъекта, поскольку последний не обладает специальными знаниями в соответствующей сфере, что позволяет говорить о наличии неполной осведомленности о всех потенциальных рисках, о которых знает контрагент —

профессиональный субъект. В связи с этим полагаем допустимым сделать утверждение о том, что независимо от того, выступает ли физическое или юридическое лицо в описанных ситуациях на стороне покупателя (заказчика), данного субъекта возможно в ряде случаев рассматривать в качестве «слабой стороны» обязательства.

Следовательно, утверждение о том, что закон должен защищать каким-либо особым образом указанных покупателей (заказчиков), в том числе в случае, если они являются юридическими лицами и даже коммерческими организациями, прежде всего связано с ответом на вопрос о том, являются ли оба субъекта осведомленными в равной степени об особенностях заключаемой сделки, т.е. является ли возникающая обязательственная связь для них обыденной и не требующей получения специальных познаний. При этом представляется, что при изначальном рассмотрении фактически складывающихся правоотношений необходимо исходить из презумпции о том, что профессионал должен проинформировать о сущности заключаемой сделки под страхом признания его действий недобросовестным поведением и допущения возможности реализации «слабой» стороной отдельных способов защиты, в том числе признания сделки недействительной по основаниям, предусмотренным ст. 10, 168, 169 или ст. 179 ГК РФ, либо судебного изменения отдельных условий договора или его расторжения на основании ст. 428 ГК РФ и т.д. В некоторой степени сказанное подтверждается положениями, закрепленными в п. 10 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ «О свободе договора и ее пределах», согласно которому при рассмотрении споров о защите от несправедливых договорных условий суд определяет фактическое соотношение переговорных возможностей сторон и выясняет, было ли присоединение к предложенным условиям вынужденным, а также учитывает уровень профессионализма сторон в соответствующей сфере, конкуренцию на соответствующем рынке, наличие у присоединившейся стороны реальной возможности вести переговоры³⁹.

Таким образом, следует сделать вывод, что основными критериями для отнесения соответствующих лиц к числу «слабых субъектов» являются: i) их личный непрофессионализм в соответствующей сфере, а также ii) бездействие контрагента по созданию взаимно комфортных условий, т.е. состояния сбалансированной осведомленности при заключении и исполнении соответствующего обязательства. При этом представляется, что непрофессионализм указанного субъекта заключается не в том, что лицо не запросило дополнительную информацию или иным образом не проявило должную осмотрительность, а просто не знало, что запросить к предоставлению или разъяснению, поскольку не обладает специальными знаниями в соответствующей сфере. В связи с изложенным характерный тезис усматривает в юридической литературе: «неравенство переговорных возможностей возникает при заключении договора между профессиональным коммерсантом и потребителем (асимметрия профессионализма). Последний, не будучи юридически и экономически подготовлен, часто испытывает серьезные сложности с пониманием самой сути многостраничных стандартных условий (например, правил страхования).

В результате многим потребителям, которые не в состоянии в полной мере осознать смысл сложных юридических конструкций в их соотношении с законодательством и судебной практикой, не остается ничего иного, кроме как заключать договор в некотором смысле “вслепую”, надеясь на добросовестность коммерсанта и его озабоченность своей репутацией...»⁴⁰. Сказанное позволяет выдвинуть суждение о том, что по общему правилу при заключении договора согласие «слабой стороны» с условиями договора выражается в не более чем в следующем: i) согласие с тем, что и какой объект гражданского оборота лицо выбрало; ii) согласие с тем, сколько необходимо уплатить за соответствующее благо; iii) согласие лица с тем, что к нему будут относиться справедливо и разумно⁴¹ (далее — общий подход).

³⁹ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 5.

⁴⁰ Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы : в 2 т. М. : Статут, 2012. Т. 2 : Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. С. 302—364.

⁴¹ Белов В. А. Юридически значимые сообщения и их значение в потребительских правоотношениях // Вестник арбитражной практики. 2017. № 2. С. 51—61.

Представляется, что именно указанным правилом необходимо руководствоваться при предоставлении лицу специальных прав по защите, свойственных непрофессиональным участникам в соответствующей сфере, поскольку именно указанный подход в полном объеме реализует изначально приведенную императивность гражданского законодательства, которая заключается в необходимости соблюдения и исполнения принципов гражданского права. Вместе с тем важно отметить: в случае, если обе стороны не могли предвидеть негативных последствий, например, «обвала» или роста курса валют, т.е. «зона осведомленности» была для обеих сторон одинаковой и отвечающей в том числе объективно существующим критериям, полагаем, что исходя из принципа равенства оперирование специальными способами защиты представляется невозможным в описанном контексте.

Сказанное позволяет выдвинуть суждение о том, что в рамках контекста Закона о защите прав потребителей смысловая нагрузка термина «потребитель» заключается в том, что он сочетает в себе как понятие конечного пользователя (*end-user of the goods*), так и содержательную составляющую понятия «слабая сторона» обязательственных отношений. Однако в контексте иных правовых актов, где используется термин «потребитель», усматривается реализация исключительно первой из приведенных идей, значение которой сводится к указанию на тот факт, что лицо, приобретающее соответствующее благо, будет использовать его для личных целей, т.е. является конечным его пользователем, при этом далеко не факт, что указанный субъект является «слабой стороной» и императивные начала гражданского законодательства, т.е. принцип равенства, не реализуются в полном объеме.

Также необходимо отметить, что профессиональный «игрок» — коммерсант в целях снижения рисков и возможностей использования «слабым субъектом» соответствующих специальных способов защиты может самостоятельно влиять на степень его осведомленности о характере заключаемой сделки, т.е. вовлекать его в свою профессиональную область. В свою очередь, представляется, что на характеристики осведомленности такого лица может влиять целый ряд факторов, которые в той или иной степени будут сказываться на общем

правило о согласии с условиями заключаемого договора, в частности к указанным аспектам допустимо отнести:

- 1) наличие профессиональных знаний (сотрудников);
- 2) кратность совершения сделок или совершение сделок в процессе обычной хозяйственной деятельности;
- 3) разъяснение о рисках вступления в соответствующие обязательственные отношения, предоставляемые контрагентом;
- 4) наличие договоренностей с контрагентом о том, что он осуществляет полное сопровождение процесса эксплуатации приобретенного объекта гражданского оборота и др.

Наличие профессиональных знаний (сотрудников), безусловно, увеличивает степень осведомленности «слабой стороны» о приобретаемом объекте гражданского оборота. Например, в случае если заключается договор аренды объекта недвижимости сроком более чем 1 (один) год с упущением в части проведения процедуры государственной регистрации, в результате чего арендатор не приобретает право противопоставления⁴², указание на то, что последний не знает особенностей правового регулирования арендных правоотношений не будет иметь юридической силы. Вместе с тем в ряде случаев даже наличие юристов и иных специалистов не может являться основанием для снятия с профессионального субъекта обязанности по информированию «слабого субъекта» об особенностях сделки. В данной связи необходимо обратить внимание на судебное дело между ПАО «Транснефть» и ПАО «Сбербанк России», где столкнулись, бесспорно, два гиганта отечественного бизнес-сообщества. Так, в указанном деле были заявлены требования о признании сделки «валютный опцион с барьерным условием» действительной и применении последствий ее недействительности в виде двусторонней реституции путем возврата каждой из сторон всего полученного по сделке. Примечательным в данном деле является разделение позиций судов относительно рассмотрения ПАО «Транснефть» в качестве «слабой стороны». Так, суд первой инстанции признал недействительным заключенный договор на основании ст. 10, 168 ГК РФ, при этом в качестве мотивировочной части суд указал: «Как следует из материалов дела, истец не является профессио-

⁴² См.: Белов В. А. Договор аренды : научно-познавательный очерк. М. : Статут. 2018. С. 100—107.

нальным участником финансового рынка в области производных финансовых инструментов. Заключение сделок с производными финансовыми инструментами не является для истца ни основным, ни дополнительным видом деятельности... С учетом представленных в материалах дела доказательств и объяснений сторон, судом установлено, что истец ранее не заключал сделки с производными финансовыми инструментами, условия которых были бы аналогичны условиям оспариваемой сделки... Суд соглашается с доводом истца о том, что до заключения оспариваемой сделки у истца отсутствовал опыт заключения аналогичных расчетных валютных барьерных опционов... Различия в статусе, опыте и квалификации истца и ответчика обусловили неравенство их переговорных возможностей как следствие профессиональной и информационной асимметрии при заключении оспариваемой сделки... Ответчик, являясь профессионалом в сфере финансового рынка в силу своего статуса банковского учреждения, обладающим узкоспециализированными познаниями в области финансовых рынков, обширным опытом и достаточной квалификацией в сфере сделок с деривативами, исходя из общих требований гражданского законодательства и устоявшихся на финансовом рынке стандартов поведения, действуя добросовестно при заключении оспариваемой сделки с истцом, должен был приложить необходимые и достаточные усилия для того, чтобы положения (условия) сложного финансового инструмента были ясными, недвусмысленными и понятными истцу, не обладающему специальными знаниями, навыками, опытом и квалификацией в отношении таких сделок, как оспариваемая, проявить заботу о истце как о клиенте, соблюсти приоритет интересов клиента, надлежащим образом уведомить о рисках заключения сделки со сложным финансовым инструментом... В связи с вышеизложенным суд признает обоснованным довод истца о сложности и затруднительности для лица, не являющегося профессиональным участником финансового рынка, итогового восприятия и итогового понимания условий сделки...»⁴³.

В свою очередь, нельзя не отметить, что, отменяя принятое судом первой инстанции ре-

шение, суд апелляционной инстанции указал прямо противоположную позицию о том, что ПАО «Транснефть» нельзя отнести к «слабой стороне» договора, которое не могло оценить последствия заключаемой сделки по следующим обстоятельствам: «Истец не доказал, что ответчик действовал с намерением причинить вред истцу, а также не доказал “заведомую недобросовестность” действий ответчика... суд не может признать обоснованными выводы, что истец не является профессиональным участником финансового рынка в области производных финансовых инструментов... итоговое восприятие и итоговое понимание условий сделки... является для истца сложным и затруднительным... В структуре истца существуют специализированные подразделения, которые занимаются оценкой и управлением рисками, в том числе валютными. К указанным подразделениям, в частности, относятся департамент экономики, управление финансового обеспечения и оценки рисков, отдел корпоративного финансирования, отдел оценки рисков и налогового планирования... Следовательно, истец мог адекватно оценивать свои риски от заключения оспариваемых сделок еще до их заключения...»⁴⁴.

Приведенные выводы судов наглядно демонстрируют сложность и весьма неоднозначное восприятие действий профессиональных «игроков» по вовлечению лиц в существо заключаемой сделки в целях снижения рисков и возможностей использования «слабой стороной» специальных способов защиты.

Кратность совершения сделок также является одним из факторов, который влияет на права и способы защиты. В частности, в случае, если лицо приобрело объект гражданского оборота, о качественных характеристиках которого контрагент не проинформировал надлежащим образом, в связи с чем покупатель, оперируя общим подходом, добился удовлетворения соответствующего требования; но в последующем снова вступил в обязательственные отношения в рамках частного правового спора, он будет лишен права ссылаться на однородность указанных нарушений. При этом исключение возможности повторной защиты частных интересов в описанной ситуации не должно исклю-

⁴³ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 21.06.2017 по делу № А40-3903/17-55-23 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.08.2017 по делу № А40-3903/17 // СПС «КонсультантПлюс».

чать меры административного воздействия, поскольку последние направлены на защиту интересов неопределенного круга лиц. Таким образом, необходимо обратить внимание, что многократность совершения однотипных сделок может являться основанием для квалификации активностей лица в качестве обычной хозяйственной деятельности, а следовательно, увеличения требований к порогу допустимости, при котором вмешательство суда в обязательственные отношения является оправданным. Представляется, что в данной связи допустимым является проведение аналогии с исключением из общего правила о необходимости получения дополнительных корпоративных одобрений при заключении договора, в случае если такие сделки совершаются в процессе обычной хозяйственной деятельности⁴⁵.

Применительно к следующему аспекту, имеющему влияние на способы реализации и защиту прав непрофессиональных субъектов, необходимо отметить, что разъяснение о рисках вступления в соответствующие обязательственные отношения, предоставляемые контрагентом, имеет существенное влияние на степень возможности реализации общего подхода. Более того, необходимо обратить внимание, что в ряде сфер деятельности, в частности при потребительском кредитовании, наблюдается обязательная необходимость формирования и предоставления потребителю специальных (индивидуальных) условий кредитования⁴⁶, которые действительны в течение определенного периода времени, предоставляемого именно в целях того, чтобы потребитель мог осознать и понять условия заключаемого договора.

Также необходимо обратить внимание, что в ряде случаев в качестве критерия, свидетельствующего о возможности рассмотрения юридического лица как «слабой стороны», допустимо выделить ситуации, когда предприниматель не желает отвлекаться на вопросы, связанные с эксплуатацией и технической поддержкой приобретенных объектов, используемых для непрофильных целей, например, эксплуатация кофе-машин, холодильников, компьютеров, мобильных устройств и т.д., в связи с чем

при поиске потенциального контрагента, осуществляющего реализацию соответствующего объекта гражданского оборота, одним из обязательных условий является наличие возможности у последнего осуществлять на постоянной основе сервисное обслуживание приобретенного товара. Следовательно, расширение всех прав и способов защиты, свойственных «слабым субъектам», будет сохраняться за покупателем в полном объеме, т.е. будет реализовываться ранее приведенное общее правило при условии исполнения им обязанностей, предусмотренных соглашением о сервисном обслуживании. Представляется, что обоснованность такого подхода также следует из абз. 2 п. 2 ст. 469 ГК РФ, согласно которому применительно к обозначенной ситуации покупатель проинформировал поставщика, что не желает быть осведомленным о характере работы (специфики товара) соответствующего приобретаемого объекта, но хочет, чтобы он способствовал осуществлению его бизнес-процессов, за что готов уплачивать соответствующие денежные средства.

В связи с изложенным представляется, что необходимо исходить из презумпции о том, что чем больше профессиональный контрагент вовлек покупателя (заказчика) в область своей деятельности, т.е. создал «комфортные условия» для понимания сущности заключаемой сделки, тем меньше шансов у такого лица воспользоваться соответствующими способами защиты, характерными для «слабых субъектов». В противном случае лицо, не обладающее должной компетенцией, будет вправе указывать на то, что наступившие негативные последствия были за пределами его понимания, в связи с чем оно будет полномочно использовать соответствующие специальные способы защиты. Безусловно, в зависимости от степени исполнения профессиональным контрагентом своих обязанностей по информированию о деталях фактически складывающихся правоотношений те или иные способы защиты могут отпадать. Между тем представляется, что изначально профессиональный субъект в соответствующей сфере не может обладать одинаковыми со «слабой стороной» правами,

⁴⁵ См.: постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16.05.2014 № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью». П. 6 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 6.

⁴⁶ Указание Банка России от 23.04.2014 № 3240-У «О табличной форме индивидуальных условий договора потребительского кредита (займа)» // Вестник Банка России. 2014. № 62.

в том числе, когда речь идет о взаимоотношениях между юридическими лицами, где одна из организаций приобретает непрофильный актив. В данной связи стоит согласиться с утверждением А. Г. Карапетова о том, что алгоритмом для предоставления защиты «слабому субъекту» является подход, выраженный в следующем: «чем более выраженным было неравенство переговорных возможностей, тем меньший порог несправедливости спорного условия требуется для того, чтобы суд вмешался и ограничил свободу договора, и наоборот, чем более равными были переговорные возможности сторон, тем более серьезной должна быть несправедливость и аномальность спорного условия, чтобы оно было заслужено изменено (заблокировано) судом»⁴⁷.

Сказанное наглядно демонстрирует, что на стороне «слабого субъекта» могут выступать как физические лица, так и организации, вступающие в соответствующие обязательственные правоотношения, выходящие за рамки их профессиональных навыков (целей создания), т.е. являющиеся для них непрофильным видом деятельности. При этом представляется, что в целях стимулирования проактивного поведения со стороны профессиональных субъектов необходимо обеспечить возложение на последних бремени доказывания создания сбалансированных условий для заключения сделки, где бы обе стороны имели полную осведомленность о ее правовых последствиях. Представляется, что закрепление приведенного правила о распределении бремени доказывания будет иметь позитивное влияние на разрешение соответствующих споров, поскольку в настоящее время как в юридической литературе, так и судами отмечается, что при оперировании нормами, содержащимися в п. 2, 3 ст. 428 ГК РФ, лицо должно доказать, что оно совершало соответствующие активные действия, в том числе по инициации запросов о предоставлении дополнительной информации о существовании и рисках заключаемой сделки и доведении до профессионального участника

(кредитора) сведений о своих намерениях при заключении соответствующей сделки, и т.д. В частности, на такого рода подход указывает А. Г. Карапетов: «Тот факт, что присоединение к предложенной проформе было вынужденным, а индивидуальные переговоры были заблокированы, должен доказываться присоединившейся стороной. Доказать это обстоятельство можно, в частности, представив соответствующую переписку, указывающую на безуспешные попытки добиться урегулирования разногласий, или доказательства, подтверждающие, что сторона, предложившая проформу, заранее исключала для себя какие-либо индивидуальные переговоры по стандартизированным условиям или в своей практике ранее по такого типа сделкам работала по модели “бери или уходи”...»⁴⁸. Сходная позиция наблюдается и в судебной практике: «Доказательства того, что истец не знал, на каких условиях он заключает договор, или им при заключении спорной сделки были заявлены какие-либо возражения по спорным пунктам договора в связи с тем, что они существенным образом нарушают баланс интересов сторон и являются обременительными для АКБ «Российский капитал» (ОАО), в материалах дела отсутствуют...»⁴⁹.

В связи с изложенным, полагаем, что возложение на непрофессионального субъекта дополнительных обязанностей о проявлении должной осмотрительности может быть справедливым решением исключительно в том случае, если он был предупрежден о возможных правовых последствиях, а также особенностях объекта заключаемой сделки, поскольку, по нашему мнению, преимущественно основанием для возникновения соответствующего спора является умолчание (недосказанность) со стороны профессионального участника правоотношений, что является недопустимым поведением, поскольку нераскрытие соответствующей информации является нарушением в том числе экономических основ, одной из которых является свобода выбора. Представляется, что

⁴⁷ Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 307—453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2017. С. 881.

⁴⁸ Договорное и обязательственное право (общая часть). С. 872—873.

⁴⁹ Постановление ФАС Московского округа от 21.06.2012 по делу № А40-86646/11-158-492 // СПС «КонсультантПлюс». Также см.: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.12.2015 по делу № А40-37561/2015, постановление ФАС Московского округа от 10.07.2013 по делу № А41-27131/10, постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 19.03.2014 по делу № А29-1092/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

изложенный подход в том числе будет способствовать построению более доверительных отношений в обществе в целом, а его участники не будут «ходить оборачиваясь» и высказывать преждевременное недоверие новым потенциальным контрагентам. Следовательно, развитие доверительных отношений в обществе в целом позволит сделать оборот экономических ценностей более предсказуемым, что снизит количество возникающих споров.

Подытоживая, полагаем допустимым сформулировать следующие тезисы:

- потребитель — это лицо, приобретающее объект гражданского оборота для его использования в качестве конечного пользователя (end user);
- наличие у лица статуса «потребителя» не делает его непрофессионалом в соответствующей сфере и изначально не наделяет его специальными правами, а контрагента корреспондирующими обязанностями, в целях восстановления нарушенных императивных начал гражданского законодательства — принципа равенства;
- «слабая сторона» обязательственных отношений — это лицо, которое в силу специфики фактически складывающихся правоотношений не может в полной мере оценить и осмыслено принять возможные негативные последствия, возникающие в результа-

те принятия и исполнения соответствующих обязанностей;

- наличие или отсутствие статуса предпринимателя (коммерсанта) не играет предопределяющего значения для квалификации лица в качества «слабой стороны» обязательственных правоотношений;
- в качестве признаков отношений, в которых одного из его участников допустимо квалифицировать в качестве «слабого» субъекта, допустимо выделить: контрагентом лица является предприниматель (коммерсант), для которого осуществляемая деятельность является профессиональной и одним из основных способов преумножения прибыли; усматривается явная невозможность влияния на существо договорных условий, т.е. наблюдается неравенство в переговорных возможностях, в том числе по причинам того, что лицо не обладает соответствующими знаниями и не может прогнозировать соответствующие риски;
- одним из ключевых факторов, влияющих на возможность использования свойственных «слабой стороне» обязательственных правоотношений арсенала прав и способов защиты, является проактивное поведение профессионального субъекта, которое заключается в информировании, а также получении заверений от лица об осознании всей рискованности заключаемой сделки.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белов В. А. Договор аренды: научно-познавательный очерк. — М. : Статут, 2018. — 107 с.
2. Белов В. А. Договор проката: видовая договорная категория или элемент юридической техники? // Вестник арбитражной практики. — 2017. — № 3. — С. 26—38.
3. Белов В. А. Кодекс европейского договорного права // European Contract Code: общий и сравнительно-правовой комментарий : в 2 кн. — М. : Юрайт, 2015. — Кн. 1. — 308 с.
4. Белов В. А. Статус лица: юридический аспект // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 10. — С. 72—78.
5. Белов В. А. Юридически значимые сообщения и их значение в потребительских правоотношениях // Вестник арбитражной практики. — 2017. — № 2. — С. 51—61.
6. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право : в 4 кн. — 3-е изд., стер. — М. : Статут, 2011. — Кн. 1 : Общие положения. — 848 с.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательственного права» / А. В. Барков, А. В. Габов, М. Н. Илюшина [и др.] ; под ред. Л. В. Санниковой. — М. : Статут, 2016. — 622 с.
8. Данилов В. В. Защита прав потребителя в системе конституционных прав человека в России : автореф. ... канд. юрид. наук. — М., 2009. — 23 с.
9. Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 307—453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : М-Логос, 2017. — 1120 с.

10. Егорова М. А. Развитие норм о доминирующем положении в четвертом антимонопольном пакете // Юрист. — 2016. — № 7. — С. 10—14.
11. Зуйкова Н. В. Публичный договор // СПС «КонсультантПлюс».
12. Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы : в 2 т. — М. : Статут, 2012. — Т. 2 : Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. — 453 с.
13. Кирюшина И. В. Правовой статус потребителя и его реализация в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 2004. — 24 с.
14. Корнилов Э. Г. Закон о защите прав потребителей // Законность. — 1999. — № 12. — С. 36—39.
15. Корнилов Э. Г. Защита прав потребителей при рассмотрении гражданских дел в судах общей юрисдикции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — М., 1999. — 26 с.
16. Корнилов Э. Г. Юридическое лицо как потребитель // Закон. — 1999. — № 3. — С. 120—123.
17. Опыты цивилистического исследования : сборник статей / Д. В. Гудков, И. И. Зикун, А. А. Зябликов [и др.] ; рук. авт. кол. и отв. ред. А. М. Ширвиндт, Н. Б. Щербаков. — М. : Статут, 2016. — 448 с.
18. Райлян А. А. Гражданско-правовая защита прав потребителя: вопросы теории и судебной практики // Арбитражный и гражданский процесс. — 2008. — № 10. — С. 22—24.
19. Ситдикова Л. Б. Гражданско-правовой статус потребителя в сфере оказания информационных услуг // Юридический мир. — 2010. — № 9. — С. 56—58.
20. Усачева Е. А. Правовые проблемы квалификации лица в качестве потребителя // Мировой судья. — 2016. — № 2. — С. 27—31.
21. Хвоцинский А. Публичный договор: защита частного интереса? // Бизнес-адвокат. — 2000. — № 9.
22. Garvin L. T. Small Business and the False Dichotomies of Contract Law // The Ohio State University Moritz College of Law. Public Law and Legal Theory. — 2004. — Working Paper Series No. 1.

Материал поступил в редакцию 26 февраля 2018 г.

THE LEGAL ESSENCE OF THE CONCEPTS “CONSUMER” AND “WEAKER PARTY” IN CIVIL LEGAL RELATIONS

BELOV Valeriy Aleksandrovich — PhD in Law, Publishing Editor of the Digest of Trade and Consumer Law News of the M-Logos Institute
5707623@mail.ru
117534, Russia, Moscow, ul. Akademika Yangel'ya, d. 14, k. 2, kv. 221

Abstract. *The article provides for the comparison of the concepts of “a consumer” and “a weaker party” in debtor-creditor relations as well as defines ideas and criteria for using the relevant conceptual apparatus. When writing this article, the author used such private-scientific methods of cognition as formal-legal, comparative-legal, technical-legal methods, which allowed to draw the following conclusions regarding the subject of research: a consumer is a person acquiring the object involved in civil-law transactions for the purpose to use the object as an end user; “a consumer” status does not make a person unprofessional in the relevant field and, initially, due to this status, a person acquiring the object involved in a civil transaction is not vested with special rights, and the counterparty is not vested with corresponding obligations in order to restore the violated peremptory principle of the civil legislation — the principle of equality; “a weaker party” in legal relations is a person who, due to the specifics of the actual legal relations, can not fully appreciate and understand the possible negative consequences arising from acquisition and execution of corresponding duties; the presence or absence of the status of an entrepreneur (trader) does not have a pre-determining importance to characterise a person as a “weaker party” in legal relations. The following characteristics can be identified and applied to qualify one of the participants of legal relations as “a weaker party:” a counterparty of a person is an entrepreneur (trader) for whom the activity in question is professional one and it constitutes one of the main ways to increase profits; it is obvious that the contractual conditions can not be influenced, i.e., there is an obvious inequality in the negotiating power of the parties because the person does not possess the relevant knowledge and can not predict the relevant risks; one of the key factors influencing the possibility of using the arsenal of rights and methods of protection inherent to the weaker party of legal relations is the proactive behavior of the professional that includes informing as well as receiving assurances from the person concerning his or her awareness of the entire risks of the transaction in question.*

Keywords: consumer, “weaker party”, non-professional party, lack of professional knowledge, physical entity, legal entity, consumer goals, non-professional activities.

REFERENCES

1. Belov V.A. *Dogovor arendy: nauchno-poznovatelnyi ocherk* [Lease contract: a scientific and educational essay]. Moscow, Statute Publ., 2018. 107 p.
2. Belov V.A. Dogovor prokata: vidovaya dogovornaya kategoriya ili element yuridicheskoi tekhniki? [Rental agreement: is it a specific contractual category or an element of arbitrazh practice]. *Vestnik arbitrazhnoy praktiki*. 2017. no. 3. pp. 26—38.
3. Belov V.A. *Kodeks evropeiskogo dogovornogo prava - European Contract Law: obshchii i sravnitelno-pravovoi kommentarii* [The Code of European Contract Law: general and comparative legal commentary]. In 2 books. Moscow, Yurayt Publ., 2015, Book 1, 308 p.
4. Belov V.A. Status litsa: yuridicheskii aspekt [The status of a person: a juridical aspect]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual problems of Russian law]. 2017, no. 10, pp. 72—78.
5. Belov V.A. Yuridicheski znachimye soobshcheniya i ikh znachenie v potrebitel'skikh pravootnosheniyakh [Legally significant messages and their meaning in consumer legal relations]. *Vestnik arbitrazhnoy praktiki* [Bulletin of arbitrazh practice]. 2017, no. 2, pp. 51—61.
6. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. *Dogovornoe pravo* [Contract law], in 4 vol. 3rd ed., reptint., Vol. 1, General provisions, Moscow, Statute Publ., 2018, 848 p.
7. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii. Postateinyi kommentarii k razdelu III "Obshchaya chast' obyazatel'nogo prava"* [The Civil Code of the Russian Federation. An article-by-article commentary to Section III "The General Part of the Compulsory Law"]. A.V. Barkov, A.V. Gabov, M.N. Ilyushin et al.; Ed. by L.V. Sannikova. Moscow, Statute Publ., 2016, 622 p.
8. Danilov V.V. *Zashchita prav potrebitelya v sisteme konstitutsionnykh prav cheloveka v Rossii: Avtoref. ... kand. yur. nauk*. [Protection of consumer rights in the system of constitutional human rights in Russia: Abstract of the PhD Thesis]. Moscow, 2009, 23 p.
9. *Dogovornoe i obyazatel'stvennoe pravo (obshchaya chast')*: postateinyi kommentarii k statyam 307—453 *Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Contractual and Obligations Law (General Part): an article-by-article commentary on Art. 307—453 of the Civil Code of the Russian Federation] [Electronic publication. Edition 1.0]. Ed. by A.G. Karapetov. Moscow, M-Logos, 2017, 1120 p.
10. Egorova M.A. Razvitie norm o dominiruyushchem polozhenii v chetvertom antimonopolnom pakete [Development of norms on the dominant position in the fourth anti-monopoly package]. *Jurist*. 2016, no. 7, pp. 10—14.
11. Zuykova N.V. *Publichnyi dogovor* [Public contract]. Legal reference system "Konsultant Plus." [Electronic resource]. «KonsultantPlus».
12. Karapetov A.G., Saveliev A.I. *Freedom of contract and its limits: In 2 vol.* Moscow, Statute Publ., 2012, vol. 2. *Predely svobody opredeleniya uslovii dogovora v zarubezhnom i rossiiskom prave* [Limits of freedom to determine the terms of the contract in foreign and Russian law]. 453 p.
13. Kiryushina I.V. *Pravovoi status potrebitelya i ego realizatsiya v grazhdanskom prave: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal status of the consumer and its implementation in civil law: Abstract of the PhD Thesis]. Tomsk, 2004. 24 p.
14. Kornilov E. G. *Zakon o zashchite prav potrebitelei* [Law on the Protection of Consumer Rights]. *Zakonnost*. 1999. no. 12, pp. 36—39.
15. Kornilov E. G. *Zashchita prav potrebitelei pri rassmotrenii grazhdanskikh del v sudakh obshchei yurisdiksii. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03* [Protection of consumers' rights when considering civil cases in courts of general jurisdiction. Abstract of the PhD in Law: 12.00.03]. Moscow, 1999. 26 p.
16. Kornilov E. G. Yuridicheskoe litso kak potrebitel [A legal entity as a consumer]. *Zakon* [Law]. 1999, no.3, pp. 120—123.
17. Opyty tsivilisticheskogo issledovaniya: sbornik statey [Experiences of civil jurisprudence research: Collection of articles. D.V. Gudkov, I.I. Zikun, A.A. Zyablikov et al. Head of the writing team and publishing editors A.M. Shirvindt, N.B. Shcherbakov. Moscow, Statute Publ., 2016. 448 p.

18. Raylyan A.A. *Grazhdansko-pravovaya zashchita prav potrebitelya: voprosy teorii i sudebnoi praktiki* [Protection of consumer rights under civil law: questions of the theory and jurisprudence]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess* [Arbitration and civil process]. 2008, no. 10, pp. 22—24.
19. Sitdikova L.B. *Grazhdansko-pravovoi status potrebitelya v sfere okazaniya informatsionnykh uslug* [Civil status of the consumer when information services are being provided]. *Yuridicheskii mir*. 2010, no. 9, pp. 56—58.
20. Usacheva E.A. *Pravovye problemy kvalifikatsii litsa v kachestve potrebitelya* [Legal problems of the person's qualification as a consumer]. *Mirovoi sudya* [Justice of the Peace]. 2016, No, 2. pp. 27—31.
21. Khvoshchinsky A. *Publichnyi dogovor: zashchita chastnogo interesa?* [Public contract: protection of a private interest?]. *Bisnes-advokat* [Business-lawyer]. 2000, no. 9.
22. Garvin L. T. *Small Business and the False Dichotomies of Contract Law*. The Ohio State University Moritz College of Law. Public Law and Legal Theory. 2004. Working Paper Series no. 1